

В настоящем издании продолжается традиция публикации работ Адама Евгеньевича Супруна, посвященных тематике очередных чтений. В сборнике статей по результатам международной конференции «Языковой контакт» (IX Супруновские чтения), 17–18 сентября 2014 г., вниманию читателя предлагается текст, написанный в соавторстве с Анной Петровной Клименко. Он представляет собой сокращенный вариант исследования «Некаторыя псіхалінгвістычныя асаблівасці беларуска-рускага двухмоўя», опубликованного в сборнике «Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў» (Минск, 1982. С. 76–105).

Адам Супрун, Анна Клименко

Психолингвистическая межъязыковая интерференция

Abstract. The paper explores the psycholinguistic problems of the interference phenomena in bilingualism. Lexical interference can be described as the use of lexically significant words of one language in the second language by bilinguals. The research identifies the following premises of interference: poorly differentiated goal set towards producing texts in different languages; lack of proficiency in diverse linguistic mechanism; commonality and distinction in the linguistic mechanisms. In the future, indications of such premises will help to predict the cases of interference and to prevent them during the second (third) language learning.

Key words: bilingualism, bilingual, contact, differentiation, interference, interlingual, lexical, mechanism, psycholinguistic.

Использование термина «интерференция» в психолингвистике и в методике преподавания иностранных языков тесно связано с употреблением этого термина в психологии, где этим термином обозначается определенный вид взаимодействий, навыков и умений при выполнении действий. «Если действие, выполняемое на основе одного навыка или умения, подобно действию, выполняемому на основе другого навыка или умения, то при выполнении первого действия в его состав могут включаться компоненты другого» [Верещагин 1967: 126]. В психологии нет полного единства в использовании здесь определенных терминов. Так, В. А. Артемов считает нужным различать такие включения в зависимости от положительного или отрицательного эффекта на деятельность и называть первые переносом, а вторые интерференцией [Артемов 1958: 365–367]. Однако, перенося из одной области знания в другую использование терминов, полезно уточнить такое использование применительно именно к новой отрасли знания. Поэтому, не вмешиваясь в общепсихологическую, общефизиологическую (более широко известную носителям языка) или, шире, в общенаучную трактовку терминов, в частности, термина «интерференция», представляется допустимым и полезным специально оговорить лингвистическую (психолингвистическую и лингводидактическую) трактовку этого термина. Ведь психологические ассоциации не должны накладывать каких-то обязательств на семантику термина, тем более, что предлагаемое понимание интерференции отнюдь не противоречит психологическому, а лишь уточняет его применительно к определенной области лингвистики. Итак, в дальнейшем речь пойдет о явлении

интерференции как явлению психолингвистическом, причем связанном с межъязыковым взаимодействием у носителей двуязычия.

Введенный в лингвистику Пражской школой [Havranek 1966], термин «интерференция» получил во второй половине XX века распространение в связи с использованием его в известной работе У. Вайнрайха о языковых контактах. Определяя этот термин, У. Вайнрайх писал: «Случаи отклонения от норм одного из языков, возникающие в речи носителя двуязычия вследствие того, что он владеет более чем одним языком, то есть в результате языкового контакта, рассматриваются как явления интерференции» [Weinreich 1970: 1]. Это определение повторяется и в ряде советских работ. Так, по В. А. Виноградову, интерференция определяется «как отклонения от норм одного или каждого из контактирующих языков, что проявляется в речи билингвов в результате их знакомства более, чем с одним языком» [Виноградов 1972: 16]. В этом определении интерференции приписываются следующие существенные свойства: 1) отклонение от нормы, 2) возникновение в речи билингва, 3) обусловленность знакомством билингва с более нежели одним языком. Можно, разумеется, принять и такое определение. Однако при этом нарушается общенаучная трактовка термина «интерференция» как явления наложения некоторых двух процессов (как в биологии: «влияние перекреста гомологичных хромосом в одном участке на появление новых перекрестов в ближайших к нему участках»; в медицине: «подавление действия одного вируса другим при смешанной инфекции»; в физике: «сложение в пространстве двух (или нескольких) волн, при котором в разных точках получается усиление или ослабление амплитуды результирующей волны»). В практике различных наук общим для понимания термина «интерференция» является взаимодействие двух процессов. Это находится в согласии с уже приведенной характеристикой использования термина «интерференция» в психологии (взаимодействие навыков). Если применять термин «интерференция» в теории обучения, естественно, необходимо иметь в виду взаимодействие навыков в производстве текстов в двух языках. Это, как представляется, вполне соответствует определению У. Вайнрайха, для которого главным было взаимодействие (контакта) языков, известных билингву. Лишь один момент в определении У. Вайнрайха не кажется целесообразным использовать, хотя подобное определение интерференции используется и в психологии. Это отрицательность интерференции. В определении интерференции в физике говорится о возможности, по крайней мере, двух исходов интерференции. И это вполне естественно: интерференция – явление скорее стихийное, «слепое». А потому заранее предвидеть отрицательный результат взаимодействия нельзя. И, действительно, если считать, как это делает У. Вайнрайх, что существует интерференция языковая, надо будет допускать отражение действия интерференции в нормах, а не только лишь в отклонениях от норм. Ведь, кроме пуристов, найти полных негативистов по отношению к нормативному употреблению иноязычных слов среди лингвистов, пожалуй, нельзя. Кроме того, представляется, что одной из причин существования и устойчивости интерференции является то,

что, в некоторых случаях, она дает положительный результат, на что и опирается билингв. Иной вопрос, что в тех случаях, когда результат интерференции положителен, она незаметна, так как в этом случае при производстве текста на языке *A* используется элемент языка *B*, очевидно совпадающий с элементом языка *B*, а потому не вызывающий нарушений и не обращающий на себя внимания. Замечаем мы интерференцию лишь тогда, когда, как это подчеркивает У. Вайнрайх в своем определении, она ведет к отклонениям от нормы. Однако в этом смысле, вероятно, точнее говорить о том, что манифестация интерференции – в нарушении нормы.

Итак, у У. Вайнрайха негативная характеристика интерференции в значительной мере связана с тем, что он говорил о ее выявлении, а выявляется интерференция именно в отклонениях от нормы. Но имеется перенос отрицательной характеристики интерференции и в некоторые иные определения ее. Так, К. Бабов пишет: «Перенос может быть положительным или отрицательным в зависимости от стимулирующей или тормозящей роли ранее приобретенных навыков на вновь приобретенные. Положительный перенос еще называют транспозицией, а отрицательный – интерференцией» [Бабов 1974: 34]. Нетрудно заметить, что под интерференцией здесь понимается уже нечто иное, чем у У. Вайнрайха: для болгарского методиста речь идет не о производстве текста (навыков производства) текстов, как для У. Вайнрайха, а о выработке навыков у учащихся. Вполне вероятно, что во многих случаях тормозящее влияние на выработку новых навыков оказывают именно те явления языковой системы *A*, которые используются при построении текстов на языке *B* при интерференции в смысле У. Вайнрайха. Но важно отметить и то, что под интерференцией у К. Бабова понимается существенно иное явление.

Отличается от определяемого У. Вайнрайхом явления и интерференция в понимании В. Ю. Розенцвейга. Согласно В. Ю. Розенцвейгу, «нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы, называем интерференцией» [Розенцвейг 1972: 4]. Как и У. Вайнрайх, В. Ю. Розенцвейг пишет об отклонениях от нормы. Но если для У. Вайнрайха это были отклонения, вызванные просто тем, что говорящий знает не только тот язык, на котором продуцируется текст, и отклонения от нормы этого же языка рассматриваются как проявление интерференции, то Ю. А. Розенцвейг говорит уже о нарушении билингвом правил соотнесения контактирующих языков. Поскольку речь идет о двуязычном индивиде, естественно предположить, что он нарушает некоторые правила, которые есть или должны быть в его сознании, в его языковом устройстве. Это, видимо, и действительно так представляется Ю. В. Розенцвейгом, на что указывает и та типология двуязычия, которая восходит к модели Ч. Осгуда и С. Эрвин и которую принимает Розенцвейг: «По способу сопоставления двух языков в сознании двуязычного индивида психологи различают координативное двуязычие... и субординативное двуязычие» [Розенцвейг 1972: 10]. Если, однако, речь действительно идет о нарушении правил соотнесения языков, которое имеется в

сознании носителя двуязычия, то надо сказать, что самое наличие таких правил вызывает определенные сомнения. Дело в том, что, видимо, прямого соотнесения систем языков у носителя двуязычия может и не быть. При совмещенном двуязычии билингв производит тексты на двух языках, базирясь на наличии общности в плане содержания языкового знака и прежде всего в соотнесенности слова с реальной действительностью (или ее отражением). При автономном двуязычии так же реальная действительность является, видимо, необходимым посредствующим звеном в соотнесенности слов двух языков. Есть все основания присоединиться к авторитетному мнению А. Н. Леонтьева о том, что «речь на иностранном языке и ее понимание, с одной стороны, и перевод, с другой, – это разные процессы, имеющие разную структуру. Процесс собственно речи представляет собой процесс перехода от «речевого замысла» (т. е. от мысли *in statu nascendi*) к его воплощению в значениях того или иного языка и далее к реализации во внешней речи – устной и письменной. Как бы ни был сложен этот процесс, он, – также и в случае речи на иностранном языке, – отнюдь не идет по схеме: речевое намерение – значения родного языка – значения иностранного языка – внешняя речь. Это справедливо и для процесса понимания речи на иностранном языке. Процесс перехода от словесных значений одного языка к системе значений другого языка, то есть процесс **перевода**, образует другую, обычно вторичную функциональную систему, имеет другую структуру» [Леонтьев 1971: 9]. «Перевод, – афористически формулировал П. Хэгболдт, – это костыль, которым пользуешься, когда он нужен, и убираешь тогда, когда можешь ходить без него». Он верно отмечал, что «в родном языке звуковая и смысловая стороны языка составляют единство; в иностранном они должны стать единством» [Хэгболдт 1963: 122–123]. Но если это так, то первично именно соотнесение между планом содержания и языковым выражением, а не между разными способами выражений. Даже у натренированных переводчиков, видимо, соотнесение системных элементов двух языков не непосредственно, а опосредовано текстом. Переводчик ведь переводит не отдельные слова, а некоторые фрагменты текста. Таким образом, представляется, что непосредственных правил соотнесения между словами или тем более фонемами двух языков в сознании у билингвов может и не быть. Такое соотнесение может быть вскрыто в ходе специального анализа, но это уже другое дело. Оно может актуализироваться в особых случаях (в частности, при недостаточности одного из речевых механизмов, на что указывают опыты Е. М. Верещагина), но они не могут в силу краткости времени, отводимого на производство текстов, актуализироваться все время в процессе нормального (не специального) производства текстов. И потому характеризовать интерференцию как нарушение правил соотнесения между языковыми системами в сознании билингва для большого числа случаев едва ли точно. Иной вопрос, что при исследовании интерференции она может быть вскрыта путем разработки правил соотнесения между системами и разыскания их нарушений. Наличие различных определений интерференции, неопределенность некоторых важных исходных понятий является,

вероятно, причиной сдержанного отношения к использованию этого понятия и термина у ряда специалистов в области психолингвистики (например, у А. А. Леонтьева и Е. М. Верещагина). Развивая ряд идей, связанных с теорией двуязычия, Е. М. Верещагин экспериментально показал возможность актуализации лексемы родного языка перед актуализацией лексемы второго языка у несимметричных билингвов [Верещагин 1969: 86]. Если при этом учесть важность фактора темпа для нормального общения, становится ясным, что при затруднении в разыскании слова второго языка у билингва возникает – сознательно или бессознательно – искушение «закрыть дыру» актуализировавшимся словом первого языка. Е. М. Верещагин поставил вопрос о том, в каких условиях актуализированная иноязычная лексема может быть употреблена в речи на языке, которому данная лексема принадлежит. По мысли Е. М. Верещагина, использование иноязычной лексемы исключается в диалоге с лицом, не владеющим языком, из которого берется лексема. Напротив, в общении билингва такого рода «макаронизмы» вполне возможны. В принципе эта постановка вопроса, видимо, верна. Однако, как представляется, здесь необходимы уточнения, касающиеся некоторых случаев двуязычия. Если речь идет о распространенном в большом коллективе двуязычии, например, белорусско-русском, носитель белорусского языка, разговаривая на русском языке в Минске, подсознательно предполагает, что и его собеседник двуязычен, а потому может использовать белорусизмы и не будучи уверен, что его собеседник владеет белорусским языком. Видимо, лишь имея информацию о противном, белорусский билингв станет избегать белорусизмов со всей определенностью. Но здесь необходимо учесть еще очень важный фактор. Живя в двуязычной среде, билингв мог и не выработать навыка противопоставления лексем одного языка другому, напротив, у него имеется навык свободного использования белорусизмов в русской речи. И потому, даже зная, что перед ним лицо, не владеющее одним из языков, билингв не всегда может избежать интерференции. Это особенно характерно для фонетического уровня. Поскольку нарушение здесь не ведет к непониманию, но не исключено и для семантизированного уровня грамматических и даже лексических явлений. Ведь, по нашему соглашению, интерференция – это непроизвольное включение элементов языка *A* в текст на языке *B*. И потому, обобщая отмеченное, можно было бы высказать предположение, что интерференция наступает в условиях отсутствия или отключения контрольного устройства, обеспечивающего осуществление установки на производство текстов на заданном языке, а также в случае дефектности такого устройства. Обращаясь к самонаблюдениям билингвов, можно отметить и такого рода самооценки: «знаю, что могу здесь ошибиться, но не знаю, как именно будет правильно». Между прочим, характерные ошибки гиперкорректности происходят именно в связи с действием боязни ошибиться при отсутствии четкого правила: контроль есть, но нет нужного уровня владения языком. Упомянутые случаи, когда человек «все понимает, но не говорит», связаны, видимо, с наличием контролирующего аппарата, который такой билингв не хочет (или боится) отключить, опасаясь оказаться смешным

из-за ошибок в своей речи. Итак, важным элементом в выяснении механизма интерференции представляется контроль производства текстов.

Иногда термин «интерференция» используется не только для обозначения процесса непроизвольного использования иноязычных элементов при построении текстов, но и результата этого процесса – более или менее устойчивого закрепления таких элементов в языке некоторого языкового коллектива. Уже У. Вайнрайх отмечал: «в речи интерференция подобна песку, увлекаемому потоком; в языке она подобна песку, осевшему и лежащему на дне озера. Эти две фазы интерференции следует различать» [Weinreich 1970: 11]. Поэтому, вероятно, следует пойти дальше и, отказавшись от выделения языковой и речевой интерференции, принять вслед за Э. Хаугеном [Хауген 1972: 69] для явления, которое У. Вайнрайх называет интерференцией в языке, иное название – например, проникновение или диффузия. Следует при этом иметь в виду психолингвистический характер интерференции и социолингвистический характер проникновения, диффузии.

В связи с представлением о совмещенном и автономном механизмах производства текстов при двуязычии выдвинуто предположение понимать под интерференцией процесс, характерный, прежде всего, для совмещенного двуязычия. Именно этот процесс характеризуется неосознанностью, стихийностью, которая представляется существенной чертой интерференции как психолингвистического явления. Тогда можно было бы понимать под переносом взаимодействие двух языковых систем в основном при автономном двуязычии, связанное с осознаваемым использованием элементов одного языка при построении текста на другом языке. Это нашло бы изоморфное отражение и в диахронической, социальной характеристике (различение проникновения и заимствования). Следует отметить, что соотнесение интерференции с совмещенным двуязычием имеет вероятностный, а не жестко детерминированный характер, прежде всего потому, что определение совмещенного или автономного двуязычия допускает и предполагает колебания: это лишь полюсы, между которыми целая гамма переходов. Можно отметить, что степень совмещенности может быть различной для разных частей языка. Так, при относительно жесткой детерминированности лексического и грамматического выбора некоторые билингвы имеют совмещенную фонетику и т. д. Поэтому лучше говорить применительно к интерференции лишь о том, что она наиболее типична при совмещенном двуязычии и менее характерна при двуязычии автономном.

Полезно ввести еще одно ограничение в использование термина «интерференция». Подчас термин этот используется чересчур широко. Это связано, видимо, с пониманием термина «интерференция» как обозначения любой ошибки, любого нарушения нормы вообще. Целесообразно ограничить употребление термина «интерференция» лишь для обозначения тех случаев, когда в текстах на одном языке явно отражаются явления другого языка. Таким образом, не всякая ошибка в тексте на одном из языков у билингва возникает в результате интерференции. Нередко ошибка может быть объяснена не использованием яв-

лений одного языка при построении текста на другом, а просто нетвердым усвоением фактов этого языка. Следует сказать, что именно такое нетвердое усвоение является основой и для интерференции. Если бы факты второго языка были твердо усвоены, не возникало бы необходимости использования другой языковой системы при порождении текстов, а следовательно, не было бы почвы для интерференции.

Интерференция может охватывать самые различные компоненты языка. Широко известно явление «акцента», т. е. использования произносительных навыков, выработанных для одной языковой системы, при производстве текстов на другом языке; это – фонетическая интерференция. Нередки и случаи интерференции грамматических правил, когда под влиянием одного языка оказывается в текстах на другом порядок слов, употребление служебных слов, иногда, особенно в случаях близкородственного двуязычия, – конкретных падежных или родовых форм и т. д.

Под лексической интерференцией будем понимать использование в текстах на одном из языков билингва полных слов другого языка, в том числе однокоренных, но по-разному оформленных в словообразовательном отношении, а также использование слов языка, на котором строится текст, в значениях, присущих другому языку. В явлениях лексической интерференции мы не будем включать иноязычное звуковое или грамматическое оформление, в том числе, например, иное управление или не присущее данному языку употребление предлогов. В зависимости от того, в чем именно происходит использование элементов другой системы при производстве текста, можно говорить о различных разновидностях лексической интерференции.

В ряде случаев встречается собственно-лексическая, лексемная интерференция, когда вместо лексемы языка *В*, на котором производится текст, употребляется лексема языка *А*. Так, например, в речи белоруса зафиксирована фраза: *Она ему тлумачит, тлумачит*. В этой фразе слово *тлумачит* представляет собой образец использования белорусского слова в тексте на русском языке (белор. *тлумачыць* ‘объяснять’). Примером, обратным этому, может служить фраза на белорусском языке *Дзяучына выцірае ліцо*, в которой *ліцо* употреблено вместо белорусского *твар* и является проявлением интерференции. Довольно широко используются в подобных случаях так называемые безэквивалентные лексемы, составляющие ядро экзотической лексики (например, *доллар, арык, паранджа, аксакал* и проч.). Надо отметить, что в состав экзотизмов нередко входят и переводные слова (например, *герр, мистер* и т. п.). Но здесь существенно подчеркнуть иное: экзотическая лексика употребляется нередко и осознанно, с целью определенного стилистического эффекта, создания местного и национального колорита. Поэтому в употреблении экзотизмов далеко не всегда следует усматривать интерференцию. Можно обратить внимание и на то, что в местных вариациях языка встречаются иноязычные вкрапления, подчас уже не осознаваемые носителями языка. Так, например, в Беларуси в русском языке употребительны слова *бульба, вёска* и проч.; теперь уже не следует считать, что

употребление подобных слов означает всегда проявление интерференции. С одной стороны, такое употребление, в общем, укладывается в рамки местной нормы; с другой стороны, нередко подобные слова вполне ощущаются носителями языка иноязычными и используются достаточно сознательно для передачи речи местного колорита или передачи некоторых весьма тонких семантических особенностей: *вёска* – не просто деревня, а именно белорусская деревня. В психолингвистическом плане интерференции здесь нет. Называть же интерференцией любое заимствование языков едва ли целесообразно по той простой причине, что для этого есть ряд других терминов: взаимовлияние, влияние, проникновение, заимствование и проч. Под лексической же интерференцией лучше понимать явление психолингвистическое: непроизвольное использование билингвом слова одного языка при создании текста на другом языке. Если же слово языка *B* хотя бы в некоторой вариации языка *A* используется закономерно, его уже нельзя считать отсутствующим в системе языка *A*: оно иноязычно по происхождению, а не по социальному статусу.

Другой тип лексической интерференции можно охарактеризовать как интерференцию семантическую. Поскольку, как известно, полной семантической эквивалентностью обладают далеко не все пары слов даже в близкородственных языках [Супрун 1975; Супрун, Клименко 1971а; Супрун, Клименко 1971б], нередко говорящий на языке *B* использует слово этого языка в значении, присущем его эквиваленту в языке *A*, но нехарактерно для языка *B*. Так, например, в Беларуси слово *добрый* нередко используется в том, более широком, значении, которое присуще белорусскому *добры*, но нехарактерно для русского слова. Характерно в этом отношении чересчур частое употребление определения *добрый* с различными существительными в направленном ассоциативном эксперименте, проведенном на русском материале в Беларуси. Определение *добрый* дано к 31 стимулу из 32 стимулов – существительных, обозначающих лиц (426 раз), для двух из них (*мать и бабушка*) было не только первым по частоте, но и было дано двумя третями испытуемых. Вообще слово *добрый* оказалось чаще других реакций у 7 стимулов (*мать, бабушка, отец, жена, брат, сын, человек*). Нередко у носителей белорусско-русского двуязычия отмечается неточное представление о значении русских слов. Слово *зарница* согласно определению академического «Словаря современного русского литературного языка» означает ‘кратковременная вспышка света’, однако значительная часть ответов, в том числе частых, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента, показывает, что испытуемые понимают это слово как заря, зорька, о чем свидетельствуют ассоциации: *яркая, красивая, алая, багровая* и под. Возможно, на таком употреблении сказывается смешение с белорусским *зарница*, употребляемом в значении ‘звезда и зорька’, и *заранак* ‘заря, зорька’.

На собственно семантическую интерференцию похожи также случаи, когда при производстве текста на другом языке переносятся не столько элементы системы первого языка, сколько условия их использования. Можно было бы говорить при этом об узуальной интерференции. Речь идет при этом о выявлении

интерференции в отклонениях не от нормы языка как таковой, а от тех или иных (статистических, стилистических, ситуативных) условий употребления тех или иных средств. Узуальная интерференция связана с семантической, поскольку она соотносится с прагматическим аспектом плана содержания слова. Так, например, предложение *Он жевал свою речь* включает слово *жевать* в значении 'медленно нечто говорить, произносить'. Это значение в принципе известно русскому языку (оно отражено в «Большом академическом словаре»), но, видимо, в русском языке распространено меньше, чем в белорусском, а потому производит большой стилистический эффект, чем соответствующее белорусское выражение.

Если семантическая интерференция отражает «накладывание» на слова одного языка семантики, присущей слову другого языка, то в случаях морфемно-словообразовательной интерференции носитель языка переносит на другой язык словообразовательную модель, морфемную структуру слова первого языка. Морфемно-словообразовательная интерференция больше, чем семантическая, характерна для близкородственного двуязычия, хотя и не ограничивается исключительно им. Так, например, У. Вайнрайх приводит целый ряд случаев, когда морфемно-словообразовательная интерференция происходит между различными и неблизкими языками применительно к сложным словам, поскольку в этих случаях происходит семантическая интерференция частей сложного слова.

В основе словообразовательной интерференции лежит тот факт, что словообразование имеет не до конца системный характер. Для носителя двуязычия, недостаточно твердо знающего словообразовательную структуру слов, но помнящего некоторый существенный признак, положенный в основу наименования, вполне естественным оказывается использовать морфемную модель родного языка. Стоит различать случаи, когда в речи билингва просто используется слово в ненормативном морфемно-словообразовательном оформлении, от тех случаев, когда на такое оформление мог оказать и, видимо, оказал воздействие один из языков, которым этот человек владеет.

Сложен механизм ошибок типа *искушать суп* у носителя белорусско-русского двуязычия. Этому билингву известно, что приставка 3- родного языка в русском иногда соответствует *с-*, а иногда *из-* (*ис*), однако не закреплено соответствующее правило использования той или иной русской приставки. Поэтому появление *искушать* (отнюдь не в стилизованной речи) в значении 'съесть' в какой-то мере связано с совпадением соотношений приставок *из-* и *с-* с приставками родного языка, но не вызывается непосредственно формой родного языка. В случаях мены приставок *в-* и *у-* речь идет о явлении, связанном не только и, возможно, не столько с подобным совпадением соотношений (ср. *уключить*), но и с фонетическим явлением (реализации начального *в* перед согласным в виде *у*). Явление интерференции в данном случае достаточно сложно. Еще сложнее случай употребления глагола *высматривать* в значении 'выглядеть'. Здесь в принципе действует морфемно-словообразовательная «гипер-

корректность»: поскольку часто белорусскому *глядзець* соответствует русское *смотреть*, у билингва возникает представление, что это имеет место всегда и корень *гляд-* заменяется корнем *смотр-* и тогда, когда в этом нет необходимости. Воздействие родного языка в этих случаях не носит прямого характера. Родной язык здесь, скорее, способствует незакреплению навыка правильного русского употребления, нежели возникновению именно такого неверного употребления. Поэтому вопрос о том, правомерно ли подводить подобные случаи под явление интерференции должен, видимо, решаться в том смысле, что это специфический вид интерференции, ведущий не к возникновению непосредственной формы, а лишь к развитию неустойчивости в закреплении нормативного употребления.

Таким образом, как и в отношении других разновидностей лексической интерференции, основой интерференции морфемного характера является нередко «недостаточная» системность лексики, с которой тесно связаны и различного рода расхождения в членении действительности, в соединении слов в лексические группировки в разных языках и так далее. В конечном счете, эта «недостаточная» системность лексики связана с необходимостью обозначения лексической передачи чрезвычайно широкого круга явлений действительности, причем круга не стандартного, а способного к расширению и изменению.

Суммируя сказанное, можно определить некоторые характерные условия, в которых происходит реализация интерференции. Очевидно, что первым условием является некоторая степень недифференцированности установок на производство текстов на разных языках. Чем больше степень совмещенности двуязычия, тем больше вероятность интерференции. Следует иметь в виду, что в некоторых случаях имеет место неравномерное по всей языковой системе распределение совмещенности и несовмещенности. Наиболее вероятна интерференция применительно именно к тем частям языковой системы, в которых дифференциация на производство текстов на разных языках слабее. Это условие является внешним по отношению к самому проявлению интерференции, но определяет возможность и вероятность интерференции именно у данного носителя (или у данной группы носителей) двуязычия.

Другое условие имеет более специальный характер. Оно определяет уже не саму возможность интерференции у данного индивида, а те или иные ее конкретные проявления. Речь идет, с одной стороны, о том языковом устройстве, при помощи которого носитель двуязычия намечает производить текст. Чем более полно и отлажено это устройство, тем менее вероятна интерференция. И напротив, чем больше дефектов в этом устройстве, тем более вероятна интерференция уже в силу того, что билингв иногда просто ощущает необходимость использования некоторого элемента, которого, однако, в его устройстве нет. Причины дефектности языкового устройства у билингва субъективны – недостаточное владение им теми или иными явлениями языка. Лишь иногда приходится сталкиваться с объективной неполнотой языковой системы, что характерно, в частности, для периода становления литературных языков, когда носи-

тель двуязычия может подчас ощущать недостаточность одного из языков по отношению к другому. Можно отметить, что дефектность особенно касается лексики и не всей языковой системы, а лишь отдельных ее элементов, отдельных частей. Так, например, владея неплохо «книжной» культурной речью, можно не владеть необходимым запасом слов бытового репертуара. Возможны и аналогичные, но обратные ситуации. Неполнота одной из языковых систем делает вероятным восполнение этой неполноты средствами другой языковой системы. Такая заместительная интерференция связана с наличием истинного или мнимого отсутствия в производящем текст устройстве некоторого компонента. Следует отметить, что в принципе соответствующий компонент, возможно, и имеется, возможно, соответствующее явление и усвоено, но усвоение произошло недостаточно твердо, и носителю двуязычия до того, как придет на память нужное слово языка *B*, уже успевает вспомниться соответствующее явление языка *A*, которое усвоено билингвом более твердо.

Существенно отметить, что интерференция выявляется в том случае, когда в языках, которыми владеет носитель двуязычия, необходимые для передачи некоторого явления внеязыковой действительности части языкового механизма, обладая определенной степенью общности, вместе с тем обладают и некоторыми различиями. Общность может быть либо материальной (план выражения, звуковое сходство), либо относящейся лишь к плану содержания (большая или меньшая близость семантики, прагматики, синтактики, сигматики), либо, наконец, обоюдной, относящейся как к плану содержания, так и к плану выражения (сходство морфемного состава). Именно на базе этой общности и возникает возможность отождествления явлений одного языка с явлениями другого, выявляемого в случае отсутствия тождества на самом деле. Так, например, экспериментально было показано, что у учащихся, изучающих немецкий язык в белорусской школе, происходит подчас неверное отождествление немецких и белорусских слов, основанное на звуковом сходстве. Следует отметить, что если общность имеется, но отсутствуют различия, то носитель двуязычия, в сущности, не замечает, существует ли интерференция. Вполне вероятно, что существует и что установить ее можно было бы, применив методики психолингвистического исследования. Но ярче интерференция проявляется при нарушениях тех или иных норм языка, на котором производится текст, почему, видимо, подчас и отождествляют интерференцию именно с нарушениями. И в этом плане для выяснения интерференции важно отсутствие тождества между единицами первого и второго языков, только при котором и возможно то «нарушение правил соотнесения», о котором говорит В. Ю. Розенцвейг, но применительно не к правилам в языковом устройстве у носителя двуязычия, а к правилам внешним по отношению к этому устройству, устанавливаемым лингвистами путем сопоставления языков. Впрочем, в случаях интерференции, базирующейся на гиперкорректностных установках, она возникает и при фактическом тождестве, в котором, однако, носитель двуязычия не уверен, предполагая мнимое нетождество.

Признание таких предпосылок возникновения интерференции при двуязычии и, в частности, ошибок интерференционного характера позволяет в той или иной мере прогнозировать интерференцию при двуязычии и провести соответствующую профилактику при создании двуязычия – то есть при обучении второму (третьему) языку. Интерференционные ошибки возникают в тех случаях, когда некоторое явление второго языка усвоено недостаточно твердо, когда при этом явление второго языка в чем-то сходно с явлением первого языка, но не тождественно ему. Основная, важнейшая профилактика совмещенного двуязычия – неправомерность обучения второму языку, направленного на выработку автономного производства текстов на обоих языках, внимание к твердому усвоению изучаемого материала, необходимая полнота его, имеющая целью обеспечить отсутствие у учащихся сомнений в правильности усвоенного. Успех профилактики ошибок интерференции может быть основан на тщательном, в том числе экспериментальном, изучении природы и механизмов интерференции. При таком изучении важно дифференцировать различные виды нарушений в построении текстов на языках, которыми владеет билингв, чтобы не смешивать различные по своей природе явления, а также дифференцировать возможно различные по своим механизмам иноязычные вкрапления в речь носителя двуязычия и различные пути проникновения таких вкраплений. В связи с этим нужны некоторые терминологические уточнения, связанные с использованием термина «интерференция» в психологическом и лингвистическом, социолингвистическом и психолингвистическом, в лингвистическом и в методическом планах. Вместе с тем совершенно ясно, что дело прежде всего в четком определении реально существующих при двуязычии явлений, а не того или иного их названия. А это – насущная задача развития теории двуязычия, особенно важной в нашей республике.

Список литературы

1. Артемов, В. А. Курс лекций по психологии / В. А. Артемов. Харьков, 1958.
2. Бабов, К. Г. Методы исследования и картотекирования интерференции при обучении русскому языку в болгарской школе / К. Г. Бабов // Болгарская русистика. 1974. № 1.
3. Верещагин, Е. М. Заметки о монографии У. Вайнрайха «Языковые контакты» / Е. М. Верещагин // Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967.
4. Верещагин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. М., 1969.
5. Виноградов, В. А. Лингвистические аспекты обучения языку / В. А. Виноградов. М., 1972. Вып. 1.
6. Леонтьев, А. Н. Некоторые вопросы психологии обучения речи на иностранном языке / А. Н. Леонтьев // Вопросы психолингвистики и преподавание русского языка как иностранного. М., 1971.
7. Розенцвейг, В. Ю. Языковые контакты / В. Ю. Розенцвейг. Л., 1972.
8. Супрун, А. Е. Сопоставительно-типологический анализ лексики / А. Е. Супрун // Методы изучения лексики. Минск, 1975.
9. Супрун, А. Е., Клименко, А. П. Две модели порождения текста при двуязычии и некоторые вопросы обучения третьему языку / А. Е. Супрун, А. П. Клименко // Взаимодействие языков в процессе обучения. Вильнюс, 1971а.

10. Супрун, А. Е., Клименко, А. П. Две модели порождения текста при двуязычии, перенос и интерференция // Механизм переноса речевых навыков и умений / А. Е. Супрун, А. П. Клименко. М., 1971б.
11. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6.
12. Хэгболдт, П. Изучение иностранных языков / П. Хэгболдт. М., 1963.
13. Щерба, Л. В. О понятии смешения языков / Л. В. Щерба // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
14. Эрвин, С. Семантический сдвиг при двуязычии / С. Эрвин // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6.
15. Havranek, B. Zur Problematik der Sprachmischung / B. Havranek // Travaux Linguistique de Prague. Prague, 1966.
16. Weinreich, U. Languages in Contact / U. Weinreich. The Hague; Paris, 1970.